

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VIII

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1969

А. Г. Шпринцин

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ПУТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ**

1

В феврале 1941 г. первый советский исследователь так называемых иньских надписей на костях¹ и автор содержательной, хотя во многом спорной статьи «Китайская письменность»² Ю. В. Бунаков прочел в Институте востоковедения АН СССР доклад о китайской письменности как историческом явлении и историческом источнике. Выступая по докладу Ю. В. Бунакова, акад. В. В. Струве указал, как сообщается в отчете о заседании³, «на необходимость ответа на вопрос, почему китайцы не пошли по пути Запада и не перешли от пиктоидеографического письма к фонетическому, самому демократическому письму, которое предохранило бы Китай от аристократизации культуры».

В выступлении В. В. Струве была впервые сформулирована проблема, до этого не привлекавшая внимания наших китаеведов. Во всяком случае, когда десятью годами раньше в том же институте велись исследования по вопросам китайской латинизированной письменности, этот обращенный в прошлое аспект темы «китайская письменность — китайский язык» не разрабатывался, и при формулировке общих принципов латинизации главное внимание было уделено обоснованию необходимости и возможности применения алфавитного письма к современному китайскому языку.

В самом Китае отдельные лица, опять-таки побуждаемые стремлением познать прошлое иероглифики для реформирования ее в настоящем, уже в начале XX в. задумывались над причинами столь длительного существования иероглифики и высказывали свои соображения по этому поводу⁴. Ряд специальных статей на эту тему появился сравнительно недавно, когда в связи с работой по реформе китайской письменности к историческому прошлому иероглифики обратились в пои-

¹ Ю. В. Бунаков, Гадательные кости из Хэнани (Китай), — «Труды Института языка и мышления АН СССР», М., 1935; его же, Аньянские памятники и американское китаеведение, — «Библиография Востока», X, Л., 1936.

² «Китай». Сб. статей, М.—Л., 1940, стр. 351—384.

³ С. Ростовский, В Институте востоковедения АН СССР, — «Историк-марксист», 1941, № 4(92), стр. 92.

⁴ Например, см.: Q i a n X u a n - t o n g, Hanzi Geming («Революция иероглифики»), — «GuoYu Yuekan», 1922 (спец. вып.). Переиздана в 1957 г. Здесь и далее все ссылки на работы китайских авторов даны китайским государственным алфавитом.

сках доказательств неизбежности замены иероглифов алфавитным письмом⁵.

Важные данные для лингвистического анализа проблемы содержатся в работах сиологов по исторической фонетике и исторической грамматике китайского языка, начало которым положили в первой четверти нашего столетия известные работы Б. Карлгрена⁶.

Опубликованные в последние годы в Советском Союзе работы по общей истории письма и специально по китайской письменности содержат, правда высказанные в самой общей форме, соображения о причинах сохранения в Китае иероглифики⁷.

Таким образом, из научной литературы последних десятилетий можно извлечь не только данные для рассмотрения вопроса, поставленного двадцать пять лет назад В. В. Струве, но и ответы на этот вопрос, правда различающиеся по степени доказательности и аргументации. В самом общем виде ответ этот можно сформулировать так: многовековое существование в Китае иероглифической письменности обусловлено, во-первых, характером общественного развития страны, в частности длительным господством феодальных отношений; во-вторых, особенностями китайского языка, в том числе морфологической структурой китайских слов, наличием массы слов, читающихся одинаково,

⁵ Ниже в хронологической последовательности приводятся названия статей, опубликованных с 1957 по 1965 г. в китайских периодических изданиях: Liu You-xin, Cong hanzi yanbian di lishi kan wenzi gaige («Реформа письменности с точки зрения истории эволюции иероглифики»), — «Zhongguo Yuwen», 1957, № 5, стр. 1—9; Liang Dong-han, Cong hanzidi yanbian kan wenzi gaige («Реформа письменности с точки зрения эволюции иероглифики»), — «Zhongguo Yuwen», 1957, № 9, стр. 10—14; Yu Xing-da, Cong Hanzi fazhandi lishi lai kan wenzi gaige («Реформа письменности с точки зрения истории развития иероглифики»), — «Hanyu Luncong», Пекин, 1958, стр. 227—247; Li Xing-jian, Hanzi weishenme meiyu zao zoushang pinyin di daolu («Почему иероглифика раньше не вступила на путь фонетизации?»), — «Zhongguo Yuwen», 1958, № 5, стр. 230—232; Qi Li, Guanyu hanzi zou pinyinhua daoludi jige renshi wenti («К вопросу о путях фонетизации китайской письменности»), — «Zhongguo Yuwen», 1959, № 11, стр. 525—527; Huang Shao-jun, Peng Jian, Shi lun wenzidi maodun guilu («О закономерностях противоречий письменности»), — «Zhongguo Yuwen», 1961, № 9, стр. 19—23; Shi Hiao-gen, Shi lun hanzi changqi tingzhi zai biao yi jieduandi uanyin («О причинах того, почему иероглифика столь долго задержалась на идеографической стадии»), — «Wenzi Gaige», 1964, № 4, стр. 6—8; Zhang Zhao, Lun wenzi fazhandi guili («О закономерностях развития письменности»), — «Zhongguo Yuwen», 1965, № 6, стр. 467—474.

⁶ B. Karlgren, *Sound and Symbol in Chinese*, London, 1923; его же, *Philology and Ancient China*, Oslo, 1926. Как сообщается в упомянутой заметке о докладе Ю. В. Бунакова, «акад. В. М. Алексеев резко критиковал докладчика за то, что он элиминировал многое, сделанное крупными буржуазными учеными по данному вопросу». Адресуя свой упрек докладчику, В. М. Алексеев, надо думать, имел в виду уже опубликованные к 1941 г. изыскания Б. Карлгрена, П. Пелльо, А. Масперо (см.: Ю. В. Бунаков, Библиография основных работ по Китаю на европейских языках), — сб. «Китай», стр. 502—503), а также специальную и, очевидно, самую последнюю к тому времени статью Х. Г. Крила (H. G. Creel. *On the Nature of Chinese Ideography*, — «Toung Pao», 1936, livg. 2—3, г. XXXII), обстоятельный разбор которой В. М. Алексеев сделал на заседании китайского кабинета ИВАН СССР 10 июля 1936 г. Конспект доклада В. М. Алексеева хранится в ЛО Архива АН (ф. 820, оп. 1, № 520). Работы Х. Г. Крила упоминаются в книге Д. Дирингера (Алфавит, пер. с англ., М., 1963, гл. VI. Китайский язык и китайская письменность, стр. 124—148).

⁷ См., например: В. Истрин, Развитие письма, М., 1961; его же, Возникновение и развитие письма, М., 1965; И. Дьяконов, О письменности, — Д. Дирингер, Алфавит; Г. П. Сердюченко, Китайская письменность и ее реформа, 1959; Б. П. Лаврентьев, Китайские иероглифы как знаки конкретного языкового письма, — «Ученые записки Государственного института международных отношений», 1961, вып. 3; А. Н. Соколов, К вопросу о иероглифической письменности, — «Японский лингвистический сборник», 1959. Из неопубликованных работ см. диссертацию И. М. Ошанина «Происхождение, развитие и структура современного китайского иероглифического письма», 1943.

но различающихся в иероглифическом написании, раздроблением языка на территориальные диалекты и наличием накопившейся за тысячелетия огромной литературы, зафиксированной иероглифическим письменным языком.

Приемлемая в целом, эта формулировка является, однако, слишком общей: она не отражает всего многообразия процесса развития иероглифики, который еще не во всем ясен.

В предлагаемой статье сделана попытка изложить по материалам литературы последних десятилетий современное понимание некоторых причин столь длительного существования иероглифической письменности. Мы обобщаем современные взгляды, зафиксированные в доступной нам литературе, хотя, естественно, высказываем и некоторые свои соображения.

2

Известно, что функционирование письменности — в данном случае китайской иероглифики — определяется взаимодействием двоякого рода факторов: социально-исторических (связь письма с общественным развитием) и лингвистических (связь письма с языком). При этом лингвистические факторы можно подразделить на собственно лингвистические (строй языка) и структурно-графические (строй письма)⁸. Некоторые китайские авторы, например Лян Дун-хань, Хуан Шао-цзюнь, Пэн Цзянь (см. прим. 5), анализируя процесс развития иероглифики, пользуются философским понятием «противоречие» и усматривают в развитии иероглифики противоречия тройкого рода: внутренние противоречия самой системы письма; противоречия между письменностью и языком, который она отображает; противоречия между письменностью и политическим, экономическим и культурным развитием народа, пользуясь этой письменностью.

Указанные группы факторов можно положить в основу схемы анализа проблемы, поставленной В. Ив. Струве. Наиболее сложной представляется первая группа факторов — структурные типы иероглифов и связь их с особенностями китайского языка. Сложность этого аспекта проблемы явствует из самой ее постановки. В. В. Струве, по-видимому, не случайно сформулировал свое замечание так: «Почему китайцы не перешли (разрядка моя. — А. III.) от пиктоидеографического письма к фонетическому?»

В самом деле, правомерна ли постановка вопроса о том, почему иероглифика не развилась в алфавитное письмо? Возможно ли такое развитие вообще? Многие китайские филологи считают, что это в принципе возможно и что в истории китайской иероглифики был такой этап, когда она вплотную подошла к фонетизации. Концепция эта заслуживает внимания, и в ее рассмотрении нам прежде всего придется обратиться к истории иероглифики, учитывая при этом обстоятельства, обусловившие ее развитие до определенной стадии, и обстоятельства, способствовавшие длительному существованию уже сформировавшейся письменности.

Древнейшие известные нам памятники китайского письма, так называемые иньские надписи на гадательных костях, фиксируют письмо, композиционно уже сложившееся, достаточно развитое и содержащее,

⁸ Ю. В. Бунаков считает, что «как структурная, так и графическая линии развития китайской письменности в основном заканчиваются к рубежу н. э.: первая — к IV—III вв. до н. э., вторая — к II—III вв. н. э.» (Китайская письменность, — сб. «Китай», стр. 375).

хотя в специфических количественных соотношениях, все известные нам категории иероглифов. Время, которым датируются иньские надписи, — XIV—XI вв. до н. э. — можно было бы принять условно за верхнюю возрастную границу первой стадии развития иероглифики.

Для второй стадии развития характерны два процесса: во-первых, изменение количественного соотношения между различными категориями иероглифов; постепенный количественный рост, а затем и абсолютное преобладание знаков так называемой фонетической категории; во-вторых, изменение внешней формы начертания иероглифов, последовательная смена почерков, стилей написания и, наконец, их унификация. Столь же условно верхнюю возрастную границу этой стадии развития можно датировать временем составления словаря Шовэнь (II в. н. э.).

Третью, наиболее продолжительную стадию можно выделить по чисто языковым признакам: уже сформировавшееся всесторонне, т. е. композиционно и по начертанию и по почерку, письмо закрепляется в литературном иероглифическом языке, за образец которого был взят язык литературных произведений прошлого, а именно V—III вв. до н. э. — классический китайский язык в терминологии С. Е. Яхонтова, средне- и позднеархаический китайский язык в терминологии Добсона (W. A. C. H. Dobson) и архаический язык у Б. Карлгрена.

Последовательность развития иероглифики пытаются установить, исходя из анализа уже сложившегося в своих типах фонда иероглифов. В китаеведении принято в этих случаях опираться на классификацию по так называемым шести категориям (*лю шу*), впервые детально описанную в предисловии к уже упоминавшемуся выше словарю Шовэнь. Классификация по шести категориям удобна тем, что группирует иероглифы по их композиции, а выделенные группы располагает в примерной последовательности их возникновения. Такую классификацию можно назвать структурно-генетической⁹.

В русскую научную литературу эту классификацию ввел И. Бичурин¹⁰, и в дальнейшем она с некоторыми вариациями в обозначении категорий и их последовательности повторяется во всех учебниках и описаниях китайского языка. Хотя классификация по шести категориям достаточно известна и знакомство с нею входит в комплекс элементарных знаний китаиста, все же, поскольку это необходимо для дальнейшего изложения, мы приводим ее в описании И. Бичурина.

«11. Составление условных знаков имело следующий порядок. В самом начале представляли понятия о предметах очертанием тех самых предметов. Что невозможно было представить очертанием, то представляли уподоблением. При невозможности сделать уподобление, обращались к совокуплению смысла. Что трудно было означить совокуплением смысла, там обращались к выговору. Когда же сих пяти видов недостаточно было, то прибегли к заимствованию или переносу смысла. Отсюда произошли шесть видов составления условных знаков *лю шу*, как то: а) изобразительный; б) указательный; в) совокупительный; г) обратный; д) тоносогласительный; е) заимственный».

В современной терминологии эти виды называются так: а) изобраа-

⁹ Следует отличать классификацию иероглифов от их систематизации, которая имеет дело с принципами и способами расположения и отыскания иероглифов в словарях, книг и документов в архивах и т. п. См. статьи В. М. Алексеева: Системы китайской иероглифики, — «Вестник Академии наук СССР», М., 1934, № 2; Современные системы современных китайских иероглифов, — «Сб. Академии наук СССР» Н. Я. Марру, М., 1935.

¹⁰ «Китайская грамматика», СПб., 1838, гл. III—IV.

зительные, пиктограммы; б) указательные; в) идеограммы, синтетические знаки, синтеграммы; г) видоизмененные, взаимно поясняющие; д) фонетические знаки, фоноидеограммы, синтефонограммы; е) заимствованные, омофонограммы, транскрипционные знаки.

В советской синологической литературе критическая оценка классификации по шести категориям впервые была высказана, насколько мы знаем, в статье Ю. К. Шуцкова и повторена десять лет спустя в упомянутой работе Ю. В. Бунакова. Ю. К. Шуцкий, а за ним и Ю. В. Бунаков критикуют схему шести категорий, во-первых, за смешение различных принципов, положенных в ее основу, за ее неустойчивость и, во-вторых, за ее статичность, неисторизм.

Ю. К. Шуцкий констатирует ошибочность и даже нелепость термина «шесть категорий письменности» на том основании, что эта цифра получена от сочетания неодинаковых слагаемых: четырех категорий, которые действительно являются родами письменности, и двух категорий, которые представляют собой «вовсе не какие-то особые категории письменности, а два типа особого применения знаков, причисляемых к одной из предыдущих четырех категорий, сверх их обычного применения»¹¹. Как будет видно из нижеследующего, китайские филологи как раз в этом особом применении уже существующих знаков и в последующем возврате к конструированию новых иероглифов видят узловые моменты неосуществившегося в конечном итоге развития китайской письменности по пути фонетизации.

Упреки в смешении классификационных признаков, правильные по существу, не дискредитируют, однако, систему шести категорий, так как набор структурных типов иероглифов и особое в последующем их применение совместимы в общей классификации, назначение которой — систематизировать последовательность развития китайского иероглифического письма. Малоосновательны, как увидим, и упреки в статичности, неисторичности классификации.

Редакторы русского перевода книги Д. Дирингера «Алфавит» вообще отвергают классификацию по шести категориям, как не отражающую реального положения вещей. Разделение на шесть категорий, указывают они, ошибочно, так как «на самом деле такого разделения в памятниках китайской палеографии не обнаружено. В действительности, иероглифы подразделяются только на две категории: простые знаки (*вэнь*), число разновидностей которых не превосходит 300, и сложные знаки (*цзы*), которые образуются путем сочетания тех же простых знаков в определенных комбинациях; число их может быть беспрельдно велико»¹².

Конечно, иероглифы можно подразделить на простые (*вэнь*) и сложные (*цзы*), и в классификации Сюй Шэня, с именем которого обычно связывают шестичленную классификацию, выделение этих двух групп даже предшествует описанию шести категорий; само же распределение иероглифов по этим двум группам удерживается в китайской филологической традиции и по настоящее время¹³. Это, однако, не лишает смысла и необходимости классификацию по шести¹⁴ категориям. Эта

¹¹ Ю. К. Шуцкий, Следы стадильности в китайской иероглифике, — «Яфетический сборник», 1932, VIII, стр. 81—96.

¹² Д. Дирингер, Алфавит, стр. 145—146, прим.

¹³ См.: Ван Ляо-и, Основы китайской грамматики, М., 1954, гл. «Письменность».

¹⁴ Строго говоря, по пяти категориям, так как происхождение и функция четвертой категории (*чжунань-чжу* — видоизмененная, обратная) очень ясные. При анализе путей развития иероглифики этой категории обычно уделяют минимум внимания, хотя отдельные авторы (Цянь Сюань-тун, Революция иероглифики,

классификация индуктивно выведена из анализа самих иероглифов и правильно отображает процесс развития иероглифики от пиктограмм к идеограммам, простым и сложным, от идеограмм к той или иной форме особого применения ранее созданных знаков — заимствованиям семантическим и фонетическим — и, наконец, к фоноидеограммам. В превосходной книге Б. Карлгрена эта последовательность развития описана так: «The script as it was formed in archaic times, had four evolutionary stages: first, simple pictographs; then ideographic compounds; then again, phonetic loans; and finally, improved phonetic loans, i. e. compounds made up of phonetic and signfic»¹⁵.

Примечательно, что схемы развития иероглифики, постулируемые в работах Ю. К. Щуцкого и Ю. В. Бунакова, укладываются, если отбросить навеянные «новым учением о языке» этапы ручной речи и т. п., в те же категории, последовательность которых соответствует приведенной выше¹⁶.

Уделив много места столь, казалось бы, известному в китаеведной филологии вопросу, как категории китайской иероглифики, мы исходили из следующего:

1. Классификация по шести категориям, хотя и уязвима для критики, но правильно фиксирует разные способы композиции иероглифов и последующего применения уже созданных знаков.

2. Классификация в общем правильно отражает историю развития иероглифики и поэтому имеет большое значение в качестве критерия последовательности этого развития.

3. Китайские названия шести категорий и их переводные эквиваленты стали терминами и широко применяются в китаеведной филологии в самом Китае и за его пределами; современные китайские исследователи в своих работах, в частности в дискуссии 1957—1965 гг. о путях развития иероглифики, опираются именно на эту шестичленную (пятичленную) классификацию.

3

Выше упоминалась концепция о последовательном, но не завершившемся развитии китайской иероглифики по пути фонетизации. Для обоснования этой концепции требуется, в частности, ответить на два вопроса: когда, точнее говоря, на чем это развитие остановилось и как и почему это произошло?

В поисках ответа опять-таки обращаются к упомянутым категориям иероглифов, рассматривая их на этот раз с точки зрения того, как в иероглифах отражено звучание слова (слога), передаваемого данным знаком.

Подобно тому как иероглифы делят на два крупных класса — простые и сложные знаки, исходя из их структуры, так эти же иероглифы можно разбить на две большие группы, ориентируясь на их чтение.

стр. 12; Ли Инь-си, Избранные работы по китайскому языку и письменности, ч. I, Пекин, 1953, стр. 22—24; Лян Дун-хань, Структура иероглифов и их эволюция, Шанхай, 1965, стр. 149—151) видят в этой категории знаков особый способ передачи звучания слова и ступень к образованию знаков фонетической категории.

¹⁵ В. Carlgren, *The Chinese Language. An Essay of its Nature and History*, New York, 1949.

¹⁶ У Ю. К. Щуцкого: «Указательные знаки, пиктография, синтетические знаки, применение иероглифов для транскрипции, знаки фонетической категории» (Следы стадильности..., стр. 95). У Ю. В. Бунакова: «пиктограммы, синтеграммы, идеограммы, омофонограммы, идеофонограммы». (Китайская письменность, — сб. «Китай», стр. 363)

1. Иероглифы, не отражающие в своем начертании звуковую форму слова. Сюда относятся иероглифы трех первых категорий, т. е. простые и комбинированные идеограммы. Происхождение этого рода знаков достаточно хорошо известно и не вызывает споров. Общепринято считать, что они развивались в изложенной выше (см. стр. 126) последовательности и в целом исторически предшествовали иероглифам второй группы.

2. Звукоподсказывающие, звуконамекающие (термин В. М. Алексеева) иероглифы. Сюда относятся иероглифы трех последних категорий:

а) четвертой — так называемые обратные, видоизмененные иероглифы; выше уже отмечался неясный и спорный характер знаков этой категории; ко второй группе их относят потому, что они, подобно иероглифам следующей категории (заимствованные знаки), основаны на вторичном применении уже существовавших знаков, в частности на сходстве по звучанию¹⁷;

б) пятой — так называемые заимствованные иероглифы, т. е. уже существующие иероглифы, использованные для передачи других слов с таким же или сходным звучанием;

в) шестой — фоноидеограммы, т. е. иероглифы, имеющие в своем начертании показатель чтения, так называемый фонетик.

Распределение иероглифов по указанным двум большим группам отображает поворотный момент в развитии иероглифики по пути фонетизации. С вторичного использования уже существующих знаков и особенно с широкого применения фонетических заимствований (пятая категория) начался отход иероглифики от передачи смысла к передаче звучания. Иероглифы начинают обозначать фонетические единицы.

Причины и общий принцип перехода от идеограмм к фонограммам известны из истории не только китайской, но и других письменностей. В данном случае причиной этого являлось противоречие между функцией письма как средства общения и ограниченными графическими возможностями, малой продуктивностью иероглифов-идеограмм. Эти возможности истощились, когда возникла потребность передавать не только названия наглядных предметов и простых явлений, но и более отвлеченные понятия. Между тем общественное развитие вело к расширению языкового общения, к возникновению большого числа новых и более сложных понятий, которые требовалось выразить письменно¹⁸.

Переход от идеограмм к фонограммам происходил по схеме, хорошо известной из истории письменности¹⁹.

Первым шагом на этом пути было использование иероглифа не в его основном значении, а в качестве своего рода транскрипционного знака для обозначения другого слова с тождественным или близким звуковым составом. Иначе говоря, когда стало трудно или невозможно

¹⁷ Среди работ современных китайских филологов наиболее обстоятельно эта категория иероглифов описана в кн.: Jiang Shan-guo, *Hanzi de zucheng he xingzhi* («Структура и природа китайской письменности»), Пекин, 1960, стр. 153—189.

¹⁸ Позволю себе повторить приводимые в китайских работах цифры. В упоминавшемся словаре Шовэнь из общего числа 9353 знака на долю иероглифов первых трех категорий приходится 1656, т. е. около 18%. Проходит тысяча шестьсот лет, и в словаре Канси цзыдянь (XVIII в.) общее число иероглифов возрастает до 49 030, тогда как количество иероглифов первых трех категорий остается прежним, и, стало быть, доля идеограмм падает до 3%, а если говорить только о первых двух категориях (264+129 знаков), — то до 1%.

¹⁹ Из последних работ, где описан этот процесс, см.: И. М. Дьяконов, *О письменности*, — Д. Дирингер, *Алфавит*, стр. 8—12; Л. Блумфильд, *Язык*, М., 1968, стр. 315—318.

создавать новые иероглифы первых трех категорий для обозначения возникавших слов конкретного и особенно отвлеченного значения, обратились к использованию в этих целях уже имевшихся иероглифов. Так возникла категория заимствованных иероглифов — *цзя-цзе* — в китайской номенклатуре²⁰.

Прогрессивное значение способа заимствования (категория *цзя-цзе*) состояло в том, что, во-первых, он значительно расширял возможности применения уже существовавших иероглифов и тем самым расширял рамки письменного языка. Во-вторых, метод фонетического заимствования иероглифов был как бы зарождением своеобразного звукового письма. Поскольку фонетическая система китайского языка периода распространения заимствованных знаков характеризовалась довольно ограниченным количеством типов слогов²¹, то можно было бы, закрепив за каждым типом слога только один имеющий такое чтение иероглиф, обозначать им этот слог во всех случаях.

Очевидно, использование иероглифов только в их звучании (заимствованные знаки) открывало дорогу к превращению иероглифики в своеобразное фонетическое, вероятнее всего слоговое, письмо. Для этого (как замечает в уже упоминавшейся работе Цянь Сюань-тун²²) требовалось, в частности, свести ряд одинаково читавшихся иероглифов к одному и упростить начертание таких знаков.

Результатом этого могло бы быть создание силлабических знаков в количестве, соответствующем числу типов слогов, т. е. нечто аналогичное, например, силлабическим знакам в системах клинописи. Такой шаг, как известно, сделан не был, и вместо все более широкого использования иероглифов только в их звучании к заимствованным знакам стали добавлять те или иные графические элементы (определители, радикалы, ключи в современной терминологии), указывавшие, как правило, на класс предметов (явлений), к которым относилось в данном конкретном случае слово, обозначаемое заимствованным знаком. Так развитие иероглифики пошло по пути создания так называемых фоноидеограмм, многих десятков тысяч знаков, составляющих ныне китайский иероглифический запас.

Все же, поскольку метод фонетического заимствования иероглифов стимулировал развитие китайской письменности в направлении звукового письма, это дает китайским лингвистам основание уделять большое внимание заимствованным иероглифам²³ и даже полагать, что с практикой использования одного и того же иероглифа для передачи различных, но звучащих одинаково или приблизительно одинаково слов китайская письменность решительно отошла от своей идеографической сущности и подошла ближе всего к преобразованию в звуковое письмо.

Оставляя пока открытым вопрос о том, почему использование иероглифов только в их звучании не привело к созданию звукового, ска-

²⁰ Речь идет именно о фонетических заимствованиях, наряду с которыми существовали заимствования, основанные на сходстве по значению (метонимия, метафора).

²¹ В архаичном китайском языке (VIII в. до н. э.) количество слогов, как свидетельствует реконструкция Б. Карлгрена, исчислялось в 2250.

²² Революция иероглифики, стр. 16—17.

²³ Особенно подчеркивает значение фонетических заимствований Лю Ю-синь (Реформа письменности с точки зрения истории эволюции иероглифики, стр. 5), разделяющий историю китайской письменности, правда, без точной хронологической соотнесенности на три периода: период идеограмм; период заимствованных знаков; период фоноидеограмм. Эта крайняя точка зрения не встретила поддержки у других авторов, справедливо указывающих на то, что в истории Китая неизвестно время, когда бы пользовались только или преимущественно заимствованными знаками, и что никогда не существовало текстов, насыщенных заимствованными иероглифами.

жем слогового, письма, заметим, что установленная в китаеведной филологии последовательность образования типов иероглифов является относительной и условной. Она относительна и условна в той мере, в какой отсутствуют четкие границы между отдельными стадиями, а сами стадии были весьма близки по времени и, вероятно, даже перекрывали одна другую²⁴. Достаточно сказать, что уже в иньских надписях на гадательных костях представлены все типы иероглифов; в них уже широко использовались иероглифы в их звучании и встречаются, правда в небольшом количестве, фоноидеогаммы. Очевидно, правильнее было бы говорить не о периодах существования иероглифов того или иного типа, а о периодах их относительного преобладания.

К тому же сами категории (типы) иероглифов не однородны. Так, категория заимствованных знаков, о которой шла речь выше, распадается на два подтипа — фонетические и семантические заимствования, а детальные исследования установили здесь еще более дробное деление. Например, Б. Карлгрен в своей специальной работе о заимствованных иероглифах²⁵ выделяет пять подтипов таких знаков: 1) Иероглифом X обозначают не родственное, но одинаково звучащее слово Y, у которого нет своего иероглифа; 2) Иероглифом X обозначают не родственное, но одинаково звучащее слово, для которого имеется свой иероглиф; 3) Иероглифом X обозначают не родственное, фонетически более или менее сходное (но не омофон) слово, для которого отсутствует свой иероглиф; 4) Иероглифом X обозначают фонетически более или менее сходное (но не омофон) слово, для которого уже имеется другой иероглиф; 5) Иероглифом X обозначают не родственное, фонетически не схожее или слегка схожее, но синонимичное слово, для которого имеется или отсутствует свой иероглиф.

Точно так же выделяют два подтипа в иероглифах четвертой категории, минимум два подтипа — в иероглифах-фоноидеогаммах и т. д.

Заимствованные знаки помимо роли, которую они играют в истории китайской письменности, существенно важны для китайской филологической науки при комментировании древних текстов.

Одним из существенных, если не самым существенным, достоинством способа фонетических заимствований (*цзя-цзе*) являлось то, что он смягчил противоречие между назначением письменности служить средством общения и ограниченным числом, а главное — непродуктивностью иероглифов-идеогамм. Как пишут китайские авторы, это был способ «создавать иероглифы, не создавая иероглифы», т. е., не создавая новых знаков, расширить возможности уже существующих.

Такой способ имел, однако, тот существенный недостаток, что он приводил к многозначности одного и того же иероглифа, которому теперь уже соответствовало несколько различных слов. Это означало, что практика заимствования иероглифов, сгладившая противоречие между функцией письменности и ее системой, породила ряд новых противоречий, например противоречие между первоначальным значением заимствуемого иероглифа и его новыми значениями, противоречия между разными знаками, заимствованными в разных местах и на почве разных диалектов, для обозначения одного и того же слова и т. д.

Все это вызывало большие трудности в понимании написанного и толкало на поиски средства, позволявшего правильно определять в каж-

²⁴ Естественно предположить, что идеогаммы первых двух категорий (по словарю Шовэнь, изобразительные — 264 знака, указательные — 129 знаков) образовались одновременно.

²⁵ B. Karlgren, Loan Characters in Pre-Han Texts, — «The Museum of Far Eastern Antiquities», Bulletin № 35, Stockholm, 1963, стр. 3—4.

дом случае конкретное значение иероглифа. Выход был найден в широком использовании уже существовавшего способа создавать составные иероглифы, так называемые фоноидеогаммы, т. е. знаки, образованные из двух частей, одна из которых указывала на то, к какой сфере понятий относится значение иероглифа, а другая указывала на его чтение²⁶.

Независимо от различий во взглядах на причины и время возникновения фоноидеогамм, на процесс их структурного развития все признают, что фоноидеогаммы были завершающим этапом развития иероглифики, на котором оно и остановилось. На этом закончилась качественная эволюция китайского письма, дальнейшее развитие которого было лишь количественным: возрастало число иероглифов и возрастало только за счет иероглифов фоноидеогамм, составлявших к XVIII в. уже более 90% всего их числа.

Это объясняется преимуществом фоноидеогамм перед остальными категориями иероглифов. Минусом иероглифов первых трех категорий была, как уже говорилось, их непродуктивность, что определяло узкую сферу их применения. Заимствование иероглифов расширило возможности применения письменности, но массовая и беспорядочная практика заимствования затрудняла понимание написанного. Фоноидеогаммы, возникшие как средство преодоления создавшихся трудностей, не имели указанных недостатков и вместе с тем устранили ограниченную продуктивность иероглифики. Возникший более трех тысяч лет назад принцип фоноидеогамм оказался очень продуктивным и в конце концов стал единственным способом образования новых иероглифов²⁷. Во всяком случае, в сопоставлении с иероглифами других категорий фоноидеогаммы были наиболее совершенными конструктивно, самыми универсальными в использовании и свидетельствовали о достижениях китайской культуры того времени.

Однако фоноидеогаммы обладали не только достоинствами, но и недостатками, которые выступают на первый план, когда встает вопрос о том, в какой мере фоноидеогаммы оказали влияние на движение системы китайской письменности в направлении фонетизации. Способствовали ли фоноидеогаммы этому движению или тормозили его?

Авторы китайских работ, в которых рассматривается эта тема, в большинстве своем полагают, что распространение фоноидеогамм преградило путь переходу к звуковому письму, а некоторые^{27а} даже утверждают, что именно это ускорило и углубило расхождение между устным и письменным языком. Если практика заимствования иероглифов только в их звучании знаменовала наибольшее приближение к звуковому письму, то создание фоноидеогамм, указывавших не только на примерное звучание слова, но и на его значение, означало отход от фонетизации.

Таким образом, в истории китайской письменности намечаются два поворотных пункта:

²⁶ В этом случае к знаку, обозначающему чтение (заимствованный иероглиф), присоединяли указатель значения (детерминатив). Другим и, как полагают, более ранним был обратный способ, когда к идеогамме добавляли показатель чтения. Если, например, было невозможно передать идеогаммой слово «волк», то для этого пользовались идеогаммой «собака», присоединяя к ней идеогамму, читавшуюся так, как звучало слово «волк».

²⁷ Лян Дун-хань (Реформа письменности с точки зрения эволюции иероглифики, стр. 11) считает даже возможным разделить всю трех-четырёхтысячелетнюю историю иероглифики на два этапа: до появления фоноидеогамм и после него.

^{27а} Ши Сяо-жэнь, О причинах того, почему иероглифика..., стр. 8.

1. Распространение фонетических заимствований, которые приблизили китайскую письменность к звуковому письму.

2. Распространение фоноидеограмм, которое повернуло развитие китайской письменности вспять или задержало это развитие минимум на два тысячелетия.

В советской синологической литературе подобной точки зрения придерживался Ю. В. Бунаков, писавший около тридцати лет назад: «Постепенно количество омофонограмм вырастает до размеров, делающих затруднительным понимание текста. Отсюда в обычной линии развития письма окончательное переключение с идеографического на фонетический принцип... Китайская письменность на этом переломном этапе, наоборот, возвращается с фонетического пути, на который она встала использованием омофонограмм, на путь идеографический»²⁸.

4

Итак, развитие иероглифической письменности уже более двух тысяч лет назад остановилось на стадии фоноидеограмм.

Чем это было вызвано?

Как известно, развитие китайской письменности определялось взаимодействием двоякого рода факторов: социально-исторических — внешних и языковых — внутренних. В китайской литературе вопрос о роли и характере социально-исторических факторов излагают в общем однозначно, но в оценке внутренних, языковых факторов имеются расхождения во взглядах, касающиеся как общего вопроса о связи письма с языком, так и относительной роли той или иной особенности языка.

Распространение и столь длительное существование иероглифов принято объяснять структурными особенностями китайского языка, а именно: односложностью слов, совпадением в одном слоге, передаваемом на письме иероглифом, слова и его корня (знаменательной морфемы), неизменяемостью слога (отсутствием внутрислоговой морфологии), наличием большого числа слов-омонимов и многодиалектностью. В китайской литературе последнего десятилетия эта точка зрения изложена в работах Лян Дун-ханя²⁹, Ван Ли³⁰, Ли Син-цзяня³¹ и др. Из советских лингвистов подобные взгляды высказывали А. А. Драгунов³² и В. А. Истрин³³.

Взгляды Лян Дун-ханя и Ван Ли встретили возражения других

²⁸ Ю. В. Бунаков, Китайская письменность, стр. 361.

²⁹ См. прим. 5 и 14.

³⁰ Wang Li, Hanyu Jiaohua («Лекции по китайскому языку»), Пекин. 1956. стр. 74 и 76.

³¹ Ли Син-цзянь, Почему иероглифика раньше не вступила на путь фонетизации?, стр. 231.

³² В отзыве А. А. Драгунова (октябрь 1952 г.) на статью В. С. Колоколова о происхождении китайской письменности содержится следующая формулировка по этому вопросу (цитирую по хранящейся в моем архиве рукописной копии Т. Н. Драгуновой): «Я совершенно согласен с проф. Колоколовым в том, что китайской иероглифической письменности предстоит еще сравнительно долго обслуживать китайский народ и что нет никаких оснований говорить о безотлагательной замене ее звуковым письмом. В этой связи не могу не подчеркнуть, что одна из сильных сторон иероглифической письменности заключается в том, что она прекрасно приспособлена к строю китайского языка, в котором морфологическая делимость, как правило, не идет дальше слога, передаваемого на письме отдельным иероглифом. Этим, в частности, объясняется то обстоятельство, что на протяжении веков целый ряд попыток замены иероглифики звуковой письменностью неизменно терпел неудачу — прекрасным примером чему может служить так называемое квадратное письмо юаньской эпохи».

³³ В. А. Истрин, Возникновение и развитие письма, М., 1965, стр. 161—162, 535, 541.

китайских исследователей. Так, Хуан Шао-цзюнь и Пэн Цзянь не согласны с тем, что появление и последующее длительное существование фоноидеограмм было обусловлено структурными особенностями китайского языка. Во-первых, это, говорят они, неверно теоретически, ибо, «если признать, что между особенностями языка и системой письма существует обязательная связь, то изменение и реформа системы письма могут иметь место только в результате изменения особенностей языка... и это может привести к ошибочным выводам о невозможности реформы китайской письменности»³⁴. Во-вторых, это неверно и фактически. В древнекитайском языке односложные слова не составляли абсолютного большинства. В иньских надписях на костях встречаются двусложные слова, а в древнейших литературных памятниках их еще больше. Что касается омонимов, то даже при большом числе односложных слов число омонимов в древнекитайском языке вряд ли было настолько велико, чтобы вызвать необходимость создания фоноидеограмм, дающих разное написание для одинаково звучащих однослогов. К этой аргументации присоединяется Лю Ю-синь. «Некоторые считают, — пишет он, — что характер языка может определять характер письменности и китайское письмо не развилось в звуковое из-за односложности языка. Я не признаю этой точки зрения, так как она не соответствует фактам»³⁵.

Связь письма с языком несомненна, но структура языка вовсе не обязательно определяет систему письменности, и закономерности развития китайской иероглифики принципиально не отличаются от общих закономерностей развития письма. Нельзя, однако, отрицать, что вместе с другими, благоприятствовавшими этому условиям структура китайского языка поддерживала существование иероглифики, а последняя, в свою очередь, способствовала выработке и длительному существованию иероглифического письменного языка, отрыв которого от устной речи начался уже более двух тысяч лет назад.

В числе условий, благоприятствовавших длительному существованию иероглифики, называют издавна отличавшую китайский язык раздробленность на территориальные диалекты. Полагают, в частности, что диалектные различия были в свое время важным источником беспорядочного фонетического заимствования иероглифов (*цзя-цзе*), при котором носители разных диалектов заимствовали написание знаков в зависимости от их чтения в данном диалекте. Это привело к графическому разнобою, к ослаблению роли письма как средства общения и вызвало необходимость унификации иероглифики.

В связи с этим китайские исследователи обращаются к одному крупному событию в истории китайской письменности. Речь идет о проведенной в III в. до н. э. унификации начертания иероглифов, так называемой реформе Ли Сы. В отличие от традиции, согласно которой эта реформа состояла в переходе от одного почерка (*да чжуань* «большой устав») к другому (*сяо чжуань* «малый устав»), Лю Ю-синь³⁶, например, считает, что суть реформы Ли Сы заключалась не столько в переходе к новым начертаниям, сколько в унификации множества существовавших тогда разных написаний заимствованных иероглифов путем замены разных знаков для одного и того же слова одним, в качестве стандарта которого было взято написание, принятое в уделе Цинь. Эта

³⁴ Хуан Шао-цзюнь, О закономерностях противоречий письменности, стр. 19.

³⁵ Лю Ю-синь, Реформа письменности с точки зрения истории эволюции иероглифики, стр. 7.

³⁶ Там же, стр. 5—7.

реформа завершила борьбу между заимствованными иероглифами и фоноидеограммами в пользу последних и окончательно определила путь развития китайской письменности как иероглифического письма.

Весьма любопытная оценка этой реформы дана в манифесте, выпущенном сорок лет назад Всекитайским съездом по распространению национального языка (*гоюй*): «Введенное Ли Сы письмо *сяо чжуань* было унифицированной государственной письменностью. Можно себе представить, как развивались бы в последующие две тысячи лет китайский язык, литература и культура, если бы Ли Сы был более решителен в своих преобразованиях и, подобно тому как финикийцы поступили с египетской иероглификой, выбрал бы из почерка *да чжуань* некоторое количество знаков в качестве букв и создал бы государственную фонетическую письменность. Но Ли Сы не сделал этого...»³⁷.

Ли Сы не сделал этого потому, что целью его реформы была, очевидно, унификация не только графики, но и письменного языка. Единое централизованное государство, сложившееся в Китае к III в. до н. э. (империя династии Цинь), нуждалось в едином средстве письменного общения. В условиях же общества политически единого, но в языковом отношении дифференцированного на ряд диалектов заимствованные знаки (фонетические *цзя-цзе*), отражавшие в какой-то мере диалектное дробление, не могли стать основой унифицированной письменности. Наоборот, идеограммы, в структуре которых имелась знаменательная часть, могли лечь в основу наддиалектной письменности, продолжавшей затем в течение более чем двух тысяч лет выполнять эти функции в условиях неизжитого диалектного дробления китайского языка.

Обращаясь к диалектам китайского языка, мы обращаемся к социальному аспекту проблемы длительного существования иероглифической письменности: существование иероглифики связано с разделением китайского языка на ряд территориальных диалектов, а диалектное дробление обусловлено длительным господством в Китае феодальных отношений. Но это не все. Существование диалектов привело к тому, что иероглифика стала наддиалектной письменностью, но, став ею, она мешала унификации разговорного языка и тем самым помогала сохранению диалектов.

Далее, реформа Ли Сы способствовала оформлению общекитайского письменного языка³⁸, но она же привела к расхождению этого письменного языка с разговорным. Разговорный язык развивался, создавая во избежание омонимов двусложные слова, а письменный язык, пользуясь фоноидеограммами, позволявшими пренебрегать омонимами, консервировал слова-однослоги³⁹. Сложившийся таким путем литературный язык в эньянь стал достоянием привилегированных классов, сделавших владение иероглификой и иероглифическим языком доступным лишь немногим избранным.

В Китае в течение более чем десяти лет после победы народной революции проводилась работа по реформе китайской письменности,

³⁷ Li Jip-xi, Wenzhi gaige luncong («Сборник статей по реформе письменности»), Пекин, 1957, стр. 15.

³⁸ «На протяжении двух с лишним тысячелетий, начиная с династий Цинь и Хань, единая верховная централизованная феодальная власть была основой единого книжного литературного языка, а раздробленное натуральное сельское хозяйство вело к дальнейшему углублению диалектной раздробленности». См.: Юань Цзя-хуа, Диалекты китайского языка, М., 1965, стр. 8.

³⁹ Лю Ю-синь, Реформа письменности с точки зрения истории эволюции иероглифики, стр. 7; Ши Сяо-жэнь, О причинах того, почему иероглифика..., стр. 8.

конечной целью которой являлся переход от иероглифического письма к алфавитному. Обязательными предпосылками этого должны были быть: полный отказ от мертвого литературного языка *вэньянь*; распространение в качестве письменной и устной нормы общекитайского литературного языка *путунхуа*.

Алфавитизация представляется тем более настоятельной, что задачу подъема культурного уровня китайского народа, и в первую очередь распространения всеобщей грамотности на основе иероглифики, никак нельзя считать решенной. Об этом свидетельствует, в частности, Го Мо-жо. В статье «Реформа иероглифики в Японии и машинное письмо», широко опубликованной в Китае в 1964 г., он писал: «Ликвидация неграмотности в Китае ведется уже более десяти лет, а наша родина по-прежнему является страной с массой неграмотных и полуграмотных. Некоторые уезды, считавшиеся одно время уездами сплошной грамотности, вскоре снова стали уездами с населением полуграмотным и даже в большинстве своем неграмотным. Для подъема культурного уровня народа, для поднятия производительности труда упрощение и даже модернизация письменности являются первостепенно важным делом»⁴⁰.

К сожалению, в последующие за этим годы работа по реформе китайской письменности не только не усилилась, но, наоборот, ослабела и в настоящее время, по-видимому, совсем прекратилась по причинам, надо полагать, вовсе не лингвистического порядка.

⁴⁰ Статья Го Мо-жо была опубликована в июле 1964 г. в газете «Жэньминь жибао», затем в газете «Гуанмин жибао» и в ряде журналов («Кюсюэ тунбао», «Вэньцзы гайго»), а в августе была издана отдельной брошюрой. Приводимая цитата дана по этой брошюре: Guo Mo-jo, Ribendi hanzi gaige he wenzi jixiehua, Пекин, 1964, стр. 12—13.